

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

— Оценки современной ситуации в театре и кино сегодня противоречивы. Как вы, Леонид Сергеевич, относитесь к современному театру, ко всему новому, что в нем происходит?

— Конечно, я не ретроград. И если есть главное — мысль, то меня не шокирует непривычная форма.

Зрительская культура упала — это мы видим, но зритель не виноват. Долгое время на сцене и на экране было много правдоподобной лжи — вот в чем причина. Упала также режиссерская и актерская культура. И тут та же причина.

Когда-то, после революции, в 20-е годы (кстати, вопреки тому, что говорили Ленин и Луначарский), уничтожили многие традиции старой культуры. Сейчас мы пожинаем плоды. Но искусство не может развиваться без связи с прошлым. Я в этом смысле традиционалист, воспитан на классике, очень люблю Пушкина, собираю книги о нем, о его времени.

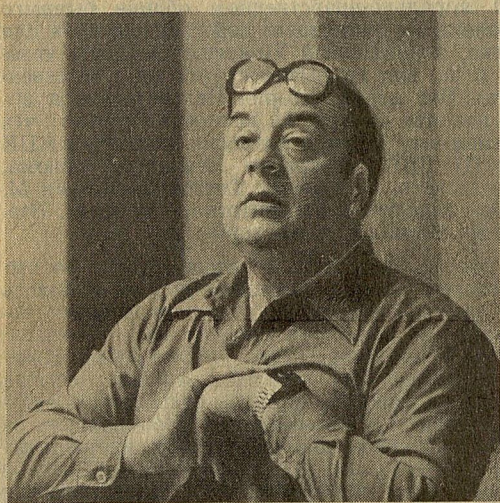
— Сейчас возникло множество молодежных объединений, студий, творческих мастерских — что вам в них нравится и что нет?

— Происходит наступление людей, еще не взявших профессию в свои руки. Наступление непрофессионалов на профессию. Для себя я сделал вывод: надо это смотреть, осмысливать и делать в своей работе коррективы, чтобы пойти дальше верной дорогой.

«...КАК Я НЕ СТАЛ НАПОЛЕОНОМ»

Леонид Броневой

отвечает на вопросы
нашего корреспондента

Кстати, из спектаклей студий, которые я видел, мне очень понравился спектакль «Прощание с Матёрой» у В. Спесивцева. Там точно найдена форма. Вы входите в зал, стоит большой стол, накрытый шальями. А потом их снимают, и на столе перед вами маленькая деревня: вот церковь, улицы, домики. Актеры намого больше этой деревушки, и они произносят монологи, наклоняясь над ней, как бы стремясь защитить это маленькое чудесное царство, которое потом будет затоплено. Я смотрел, и мне очень хотелось там играть. Вообще я все оцениваю так: если я сижу в зале и мне хочется выскочить на сцену, то, значит, это хорошо...

— Но это немножко детский подход.

— Да, может, и детский. Поэтому я с таким наслаждением играю Сократа в спектакле «Ксантиппа и этот, как его...» С. Алешина, поставленном Л. Дуровым. И повторю восклицание своего героя: «Сохранить чистый детский взгляд на мир, разве это так плохо?».

— А что вам помогло его сохранить?

— Скорее всего полученный в наследство от матери большой заряд оптимизма и стойкости. А может, благодаря школе, которую прошел в двух театральных студиях. Я это сохранил и очень рад, иначе я бы сыграл Сократа неправильно, человеком, поучающим всех. А я играю человека, не переставшего удивляться жизни.

Я счастлив, что у меня есть эта роль, так много я в нее вкладываю сокровенного. Сократ мучительно размышляет над вопросами, которые жизнь не раз ставила и передо мной, да, наверное, перед каждым. И приходит к мысли, что главный закон жизни таков: нельзя говорить «да», когда нужно сказать «нет».

— Леонид Сергеевич, от вас, народного артиста СССР, репертуар в театре зависит? Или действительно, как говорят, «артист в театре роли не играет»?

— К сожалению, да.

Необходимость перестройки в театре назрела. Но менять все надо, пожалуй, даже начиная не с экономических позиций. Начинать надо с образования. Люди не хотят учиться. Если в цирке учиться надо, если в балете учиться надо, если пианисту учиться надо, то драматическое искусство предрасполагает к непрофессионализму. Сказать на сцене фразу так или как-то иначе вроде бы несложно. Ведь и у зрителя критерии смещены. Он сбив с толку и порой не знает, что такое профессионализм, полупрофессионализм, самодеятельность. Вот и надеется актер на сцене — авось сойдет!

Я много лет работал с А. Эфросом и многому у него научился. У него прошел школу самоограничения. Нет более трудной задачи для актера!

— Расскажите, пожалуйста, как складывалась ваша актерская биография.

— После института я был направлен в Магнитогорский театр, потом попал в Оренбург. Кстати, там в пьесе Попова «Семья» сыграл молодого Ленина. Как-то посмотрел по телевидению спектакль МХАТа «На дне» и был ошеломлен игрой Грибова. Написал ему, он ответил и предложил приехать...

Собрал комиссию: Сарычеву, Массальского, Топоркову, Радомысленского, они прослушали меня. А через несколько минут из аудитории, которую меня попросили покинуть, вышел Грибов и радостно сообщил: «Приняли!»

Так я поступил сразу на третий курс Школы студии МХАТ.

После студии попал в Грозный. Здесь сыграл свою любимую роль — Маресьева в «Повести о настоящем человеке». Потом были Иркутск, Воронеж.

Когда переехал в Москву, пробовался в «Современник». Меня смотрели мои коллеги, с которыми я вместе учился, — И. Кваша, Г. Волчек, О. Табаков и, конечно, главный режиссер театра О. Ефремов. Но не взяли. Сказали, что у меня нет своего лица. Тогда я пошел в Театр на Малую Бронную к А. Гончарову. И вот в этом театре уже 26 лет.

— Судя по вашей биографии, вы марафонец, выдерживаете бег на длинные дистанции. В чем секрет, поделитесь опытом?

— Я много лет, начиная с первого курса, фанатически занимался одним делом — актерским, никогда не переключался на режиссуру, преподавание. Как видите, прошел большую школу провинциальных театров. Кстати, недавно меня, как бы в упрек, один актер назвал «провинциальным». Но я считаю, это прекрасно. В провинции — настоящие труженики. Все знают, что там норма выпуска новых спектаклей 8—9 за год. Это хорошая, но трудная школа. Пройдя ее, вчерашний студент не остается инфантильным, неприспособленным, беспомощным.

— А «Его Величество случай»? Говорят, он немаловажную роль играет в актерской судьбе?

— Случайность — это выражение закономерности. Жизнь каждому подбрасывает случай. Важно быть готовым к этому случаю и суметь различить «случай» это или «не случай».

— И вам никогда не приходила в голову мысль поменять профессию?

— Да нет, конечно, приходила. Но хватило выдержки, воли, иногда подсазки не делать этого. Надо торопиться медленно. Надо переждать, перетерпеть, актеру это особенно трудно — время уходит.

— Вы любите работу в кино?

— Да, мне нравится сниматься. После театра здесь надо несколько переадаптироваться. Пленки мало. Делать надо все точно, сразу. В кино вечно экстремальные условия. Это требует собранности. В кино надо быть готовым ко всему. Ну а подготовиться к такой работе можно только в театре. Так что театр и кино дополняют друг друга в актерской судьбе, укрепляют профессию.

После съемок в телесериале Семен Аранович, человек сдержанный и строгий, сказал мне: «Кроме вас, еще такие же Басилашвили и Калягин. Вот, скажем, мы до двух часов ночи сидели, разбирали сцену, все решили, а утром на съемочной площадке я говорю: все, что мы установили, не подходит, надо играть по-другому. И вы мгновенно подхватываете».

Я действительно люблю импровизацию. Наверное, поэтому мне было всегда интересно работать с Эфросом, а ему, как он говорил, со мной тоже.

В ближайшее время меня ждет работа в телефильме по пьесе Ф. Дюрренматта у режиссера Рябокопа на киностудии «Ленфильм». Я буду играть сэра Исаака Ньютона.

— А что вы еще хотели бы сыграть?

— Конечно, интересно сыграть характер, который ты еще ни разу не играл. Повторяться неинтересно. Когда Эфрос ставил «Отелло», он предложил мне роль Яго. Но я только что снялся в «Семнадцати мгновениях весны», где уже сыграл Яго — Мюллера. Вот Отелло я бы сыграл охотно, это роль для меня была интересней. А от роли Наполеона, которую мне также предлагал Эфрос, я в свое время отказался. «Вы не хотите сыграть Наполеона?» — удивился он. Да, мне действительно в контексте той пьесы, которая ставилась, Наполеон не был интересен.

Но вообще я фаталист и суеверен, никогда не прошу. Я считаю: то, что жизнь дает — этого вполне достаточно. Значит, так суждено, и я должен сделать максимум, чтобы роль получилась.

Беседу вела
Ольга ЗЛОТНИК.

Фото Н. Алексеевой.